

СВОБОДНОЙ ВЪЗВЫ

ПОДОБНО человеку, театр тоже может быть «с большой буквы».

Таких театров еще не очень много. Среди остальных они выделяются высотой гражданственных идеалов, осознанием истиннейшим в будущее, истинной творческой ответственности поисков. Начинания их современны, но как любое подлинное новаторство далеко от всего повального от шумихи, сопутствующей заезжим спекулятивным и издоголовным.

Знакомства с Театром имени Г. Г. Волкова, с его интересными перспективными планами и с теми делами, которые за сравнительно небольшой срок — примерно в пять лет — успел совершить коллектив во главе с художественным руководителем Ф. Шишининым, вызывает удивление к этому театру, заставляет поубавить его.

Вновь, как когда-то, в Ярославле аншлаги... Это было привычным явлением, законом жизни провинциальных театров. В Ярославле же другая ситуация. Белова, Чудиновой, Ромодановой, Нельского... Актеры, пользовавшиеся известностью далеко за пределами города на Волге, создали славу родному театру, иными словами, сделали сильные, яркие спектакли. Завзятые театралы считали долгом совершить паломничество в Ярославль, чтобы посмотреть «Сомова и других...» на сцене первого городского театра. Поэтому ввиду многих причин, существенно движение коллектива прекратилось, общий художественный уровень театра понизился.

Но долго продолжаться творческие зстой не мог. Приход в театр Ф. Шишинина, его незаурядные возможности зрелого, самобытного художника, энергичного хозяина встретились с ответным жадным семейным желанием проводить бывшее театру зрительское признание.

Крепкую, уверенную творческую хватку, свойственную Шишинину, дали такие известные театральные русские города, как Владимир, Ставрополь, Воронеж, Волгоград. Подготовка спектакля для Шишинина означает непрерывное поднимание всеобщей сложности театрального хозяйства задачам этого спектакля, его требованиям. Ведь, по сути дела, все, из чего складывается театр, только и существует главным режиссером. И в интересах спектакля добровольно берет он на себя дополнительный тяжкий груз хозяйственных забот и хлопот, единолично управляя всем театром.

Ряди спектакля... Ну, а каковы эти спектакли? Что сейчас смотрят зрители в Ярославле? Чем озабочены ярославские репертуарная политика волковцев... Если не очень пристально всматриваться в афишу, характеризующую их репертуарную политику, то в ее глубине, в основе бытия, для каждого периферийного театра, может быть, еще не слишком заметны будут значительные находки. Однако они выражены тенденцией, существованием которой и позволяют себе говорить с такой уверенностью... А пестрота, к сожалению, есть. И она вызывает досаду, даже когда знаешь, что это остаточные явления минувшей уже болезни.

Вот «Дети Плахова». За острым столкновением персонажей здесь, увы, не кроется сколько-нибудь глубокого раздумия о жизни. Это разрыв между бойкой перепел известности современной драматургии сюжета о приемных детях, которые в зрелом возрасте узнают, что были воспитаны «чужими» людьми. В финале актеры, в частности Родянов, Л. Макарова, В. Салопов и другие все же ухищряются вырастить и жестокие характеры, порой даже неэтичные. Но, думается, в конечном счете зритель их увидит, ведь ли может все-таки считаться оправданной.

В полной мере это относится и к пьесе «104 страницы про любовь», на мой взгляд, мелочной-мелочной, пытающейся свою неполноту прикрыть мнимой многозначностью. Правда, спектакль волковцев, легкий и прозрачный, ничуть не претендует на философские открытия, неосознанно приобретая лирическую окраску, чистую и ясную. Душевная энергия волковцев и в первую очередь обязательной актрисы Элли Сумской, с которой в своем первом спектакле, в этой пьесе шекспировских коллизий, в которых раскрывается облик ее героини, молоденькой стюардессы, направ-

лена опытно-такти, как в «Плахова», на создание характеров своих современников. И, как в «Плахова», театр ищет в этих характерах, не оставаясь перед скудными возможностями драматургии, не упирается почти, а чувствительно отталкивается от них. Стороны любви, столкнувшейся девушку с молодым ученым, физиком.

Однако не «Плахова», не «104 страницы», как бы ни были они прочтаны театром, отнюдь еще не делают театральную погоду в Ярославле.

Эту «погоду» определяют пьесы, которым именно волковский театр дает впервые путевку в жизнь. Те пьесы, в рождении которых театр участвует с самого сокровенного момента — с выбора теми драматургом.

МНОГИЕ театры заявляют о сотрудничестве с драматургами.

Для волковцев подобный метод работы, к стати сказать, очень непростой. События происходят в огромном затраты сил, времени и денег, — стал важнейшим фактором в создании своего репертуара.

Своего в полном смысле слова. Выезжая, что прошедшие годы определяются для театра лишь несколькими спектаклями. Но хотя их пока немного, они, как веки, безошибочно указывают направление, по которому движется театр вперед. Ближайшее упорно, пусть еще не такими темпами, о каких мечтают главные режиссеры и весь коллектив его творческих «единомышленников». Эти спектакли «Кредит на любовь», «Идиллия», «Жизнь Федора Волкова», «Знакомьтесь, Балдун», «Огонь на себя», «Печорин». И вот теперь — «Панфиловцы», постановка, подготовленная театром к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией.

Разумеется, и названные пьесы тоже нельзя считать равноценными. Волковцы работали над ними в разных условиях и в разные сроки. Однако, неизменным остается стремление театра, найдя действительно полноценную, большую тему, выразить ее с возможно большей силой эстетического воплощения, создать характеры, олицетворяющие себя, свою эпоху и этим привлекающие человеческие сердца.

Приближающаяся большая дата — 50-летие Советской власти — не позволяет творческим покоям этого театра оставаться беззащитными. Забегая вперед, заглянем в портфель волковцев.

Вряд ли многие театры смогут похвастаться такой же дальновидностью, хозяйской остротой, а потому и восторженностью, как у волковцев. Здесь не хотят ждать. Не думают, что писатель сам, без приглашения, придет в кабинет главного режиссера с нужной театру пьесой. Нет, здесь охотнее будут обсуждать даже заявку на пьесу, если только увидят реальные возможности к ее осуществлению. Шишинин называет остро заинтересованным процессом разговора с людьми, разрабатываемым драматургом, «идеологическо-художественной работой».

Всякому бы театру такую работу.

Впрочем, пылать, как известно, по осени считают, и, конечно, трудно сказать заранее, что получится из некоторых готовящихся ныне пьес. Тем не менее, можно предположить, что театр «выражает» на корню для себя сразу несколько новых произведений.

И по форме, и по содержанию это будут произведения самые разнообразные. Но в них все же будет одна нить, придающая верность главной линии, избранной театром. «Штурманы грядущей бури» — пьеса о предшественниках социал-демократии... «Полководцы» — пьеса о советском индустриальном строительстве. «Полководец» — пьеса о трудных поисках и смелых решениях... Пьеса о Некрасове, ведь Ярославль — родина поэта; пьеса об Эйнштейне. Молодежная пьеса «Большой радостный» — пьеса о том, что пока в театре держат в строгом секрете, о чем рассказывают впоследствии, прибегая до того времени, когда замыслы стают на арену, покуда не стают к молодежи. Личные, схватках Влатимира Ильина с Плехановым; о становлении основных принципов партии в сознании молодого Ленина и его верных соратников. О том, что в театре, в волковцев, в неслыханных заветах принципиальности и человечности.

В «Панфиловцах» Шишинин сумел

Сцена из спектакля «Панфиловцы». Генерал Панфилов — С. Ромоданов, дочь генерала — Э. Сумская.

угадать народную драму, полновзвучный героический спектакль еще в ту пору, когда автор И. Назаров дал театру только первый, весьма далекий от совершенства, вариант пьесы. Шли дни и ночи, автор безысходно обосновывал в гостинице «Ярославль». По вечерам читали готовый текст вместе с Шишининым; вновь и вновь исправляли... Сейчас на афише значится: «Спешенская редакция и постановка народного артиста СССР Ф. Е. Шишинина». Их было несколько, этих «редакций», и сил на них не жалеть.

И была на «Панфиловцах», когда в театре шли застойные Телетини, когда спектакль монтировался на сцене и, наконец, когда Ярославль смотрел готовую уже, «обкатавшуюся» на зрителя постановку.

Она волнует людей и вызывает аплодисменты, не только «пополненные» к концу каждого акта. Волнует своей правдой и, как это ни странно, а пьесе и спектакле о войне — достоянием народности артиста.

Чем, конечно, человек не были люди, которых неумоимо спланивал вокруг себя «народный генерал» Панфилов, тем больше становится сходство с ним. Мы видим людей добрых и умных, веселых, находчивых, либо замкнутых, нерешительных, застенчивых... Эти люди мужают, взрослеют, не просто обретая и боевую жилку, и товарищеское какую-то новую черту или, как говорят актеры, «жирскую», а вообще становящиеся словно выше, лучше, красивее.

Они это и есть, по-моему, самая замечательная особенность нового спектакля волковцев.

В нем поразительные, этически значащие массовки — суровые, простые, вместе с тем ярко театральные. Отлично помогли постановщику В. Цветков, Б. Лерко и А. Нестеров — режиссер, художник и композитор, работая в лучших традициях советского театра. Это не случайно, а ставляет вспомнить об «Оптимистической трагедии» и вместе с тем звучит и смотрится совершенно по-новому.

Особенно хороши первая и финальная сцены. Они многолюдны, красочны, полны значения и решены театром с завидным мастерством.

Но он вовсе не лишен недостатков, этот спектакль. Есть длинный, выходящий, ядро звучания, и даже неудавшиеся, неживые образы. Среди потерь самая огорчительная — комиссар Родина; играющий его артист С. Родионов не сумел передать, как точкой для своего героя и тем самым восполнить прочтены пьесы. Комиссар иллюстрирует, он «никакой». Но именно потому, что в спектакле много людей, сумел он компенсировать это, и не причиняет невосполнимого ущерба.

Прежде же всего видишь Панфилова. Рыцарем без страха и упрека идет через все спектакль герой С. Ромоданова и В. Нельского, споконимый, прямой и правый человек. Его можно убить, но невозможно согнуть... Он неуязвим потому, что сам никогда не лжет людям. И это не фальшивая, сладенькая «популярность», а самая долинная, суровая и страдальная правда образа большевика, ленинца.

В пьесе есть известная опасность — легко внести некоторую долю «ментальности» в сцену, встретив Панфилова с его дочерью Валей, вышедшей на фронт вместе с отцом. Но оба актера, так же как и актриса Э. Сумская, счастливо избегают такой опасности. Больше того, они как бы идут навстречу ей, ничуть не скрывая обуюбной преданности, нежности отца и дочери. Но в их сценах — правда большого че-

ловеческого чувства, искренность простота.

Политрук Клочков в исполнении Ф. Моисеева и К. Разылконова запечатлелся как человек ипшущий, расшустивший, мнущийся. Он учится у бойцов, уча их мужеству, учится у своего генерала. Душа Клочкова открыта жизни; он пытли, доверчив, бесстрашен. Еще богаче образ старшин Бондаренко. И от спектакля к спектаклю в доли появляется все больше находок; видно, что артист Л. Дубов, сам бывший фронтник, влюблен в своего героя. Он по-украински лукав и по-украински же бесхитроу, веселый, добродушный, общительный. Бондаренко постепенно становится общим любимцем, душой роты.

Множество чувств, вкладывает в исполнение бойца бойца Назаров и артист К. Лисинский. Ему, Герою Советского Союза, тоже близка и понятна роль солдата, выражающегося на окружающих с полковым вниманием к драматическому.

Великолепен В. Салопов в роли вдовца. Умный и разносторонний актер, глубоко, с большой силой играющий в «Печорине», загвавшую трагедию, но он не только не счастлив, он страшно, страшно своим бездушием.

Теперь нередко посмеиваются, когда в спектакле есть «и коммунизм и индустрия». Есть он и в «Панфиловцах». Но он не только не счастлив, он страшно, страшно своим бездушием. ..Теперь нередко посмеиваются, когда в спектакле есть «и коммунизм и индустрия». Есть он и в «Панфиловцах». Но он не только не счастлив, он страшно, страшно своим бездушием. ..Теперь нередко посмеиваются, когда в спектакле есть «и коммунизм и индустрия». Есть он и в «Панфиловцах». Но он не только не счастлив, он страшно, страшно своим бездушием.

Великолепна финальная сцена: старик как бы «показывает» Мишутке, подборманному им мальчишке, «жесты «спящих» пафосиков. В едином порыве в бой, в том порыве, который стоил панфиловцам жизни, они поднимаются и заставляют, как живой барьер.

Первая боль, первая твужина. Роль Петренко тем более: этот образ проходит рядом с образом генерала, связывая Панфилова не только с «спящими» бойцами, но еще и с многолюдным «тылом». Он не оставляет там, в далекой Алма-Ате, с тылом вообще, как с представлением о Родине, о массе людей, а как человек борется Панфилов вместе со своим войском.

Роль Петренко в очередь играют В. Смирнов и Е. Соболев — оба унаследовали Ярославского театрального училища.

Вот еще одна важная точка приложения сил Ф. Шишинина и всего театра — училище, где растут будущие актерские кадры. Здесь учащиеся около 100 человек. На всех курсах, в каждой группе, в каждой труппе, вольются, пожалуй, не меньше, чем в самом училище: молодежь все занята в «Панфиловцах», в массовых сценах, а поблажек экзаменаторы не дают.

В будущем году состоится первый выпуск. Третькурсники уже начали готовить произведения Метне, водили Чехова, пьесу А. М. Горького «Дети плахова».

Впрочем, до выпускных спектаклей училища еще целый год. Гораздо раньше состоится выпуск спектакля в Пошехонье — там волковцы, организовали свой общешкольный фестиваль. Народный театр в Пошехонье работает сейчас на пьесой «В день свадьбы» В. Розова, а потом приступит к репетициям «Василия Железнякова».

Наряду со своей основной работой театром в Пошехонье безраздельно занимаются режиссеры В. Цветков и В. Давыдов. Они помогают Клею Стрельниковой — местному руководителю народного театра.

Д ЕЛ МНОГО и неслыханно. Но ведь нелегко жить и работать всякому человеку и всякому театру, если он — с большой буквы. Н. ТОЛЧЕНОВА.

Соб. музейники 1965 26 июня